

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

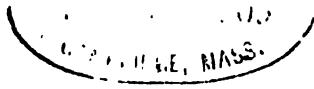
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ XVII.

1908.

СЕНТЯВРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1908.

СОДЕРЖАНІЕ.

П РА В И Т Е Л Ъ С Т В Е Н Н Ы Я Р А С П О Р Я Ж Е Н І Я .

I. Именной высочайшій указъ, данный Правительствующему Сенату.	3
II. Узаконенія	—
III. Высочайшія повелѣнія	78
IV. Высочайшіе приказы по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія	79
V. Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія	81
VI. Опрежденія основнаго отдѣла ученаго комитета мн. нар. пр.	83
VII. Опрежденія отдѣла ученаго комитета мн. нар. пр. по начальному образованію	—
Списокъ книгъ, рассмотрѣнныхъ ученымъ комитетомъ и признанныхъ заслуживающими вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ читальнъ и библіотекъ	84
Г. В. Баллицкій. Зарожденіе періодической печати въ Россіи	1
В. Ф. Миллеръ. О братьяхъ оувдалцахъ	77
II. А. Тихомирнойъ. Стрелецкая книга города Пензы, какъ матеріалъ для исторіи заселенія Восточной Россіи въ XVII вѣкѣ	93
А. II. Яцимирскій. Значеніе румынской филологіи для славяотика и романскихъ изученій	121
А. Г. Векштейнъ. Медицинскій факультетъ въ Монпелье до середины XIV вѣка	143

К Р И Т И К А И Б И Б Л И О Г Р А Ф І Я .

С. Л. Аваланин. Къ вопросу объ учебныхъ пособіяхъ для высшей школы	170
Д. М. Смицковъ. По поводу „одной теоремы элементарной геометріи“	178
А. А. Васильевъ. <i>Дмитрій Петрушевскій</i> . Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства. Москва. 1907	180
С. Г. Виллипскій. Новые труды по изученію дѣятельности Ивана Пересвѣтова	185
М. С. Грушевскій. <i>Водеславъ-Юрій II, князь всей Малой Руси</i> . С.-Пб. 1907	193
II. К. Кошминъ. Отвѣтъ И. И. Замотину	203
— Книжныя новости	205

О Т Д ъ Л ъ П О Н А Р О Д Н О М У О Б Р А З О В А Н І Ю .

А. Ф. Никитинъ. Школьные эпидеміи и мѣры борьбы съ ними	1
---	---

См. 3-ю страницу обложки.

О БРАТЬЯХ СУЗДАЛЬЦАХЪ.

Просматривая былины о Камскомъ побоищѣ, о Мамаѣ, о царѣ Кѣлигѣ, мы находимъ въ концѣ большинства изъ нихъ эпизоды о похвальбѣ нѣкоторыхъ богатырей, поведшей за собою чудо воскресенія убитыхъ въ бою татаръ и гибель хвастуновъ. Имена богатырей, навлекшихъ на себя, иногда и на всѣхъ русскихъ богатырей, небесную кару за похвальбу, варьируются, но, въ большинствѣ, выборъ сказателями тѣхъ или другихъ именъ не трудно мотивировать. Такъ, въ былинѣ сибирской, записанной Меемъ, похвальба влагается въ уста Алеши Поповича, который вообще отличается хвастливостью ¹⁾. Въ былинахъ г. Маркова о Камскомъ побоищѣ неосторожными хвастунами являются тотъ же Алеша Поповичъ и Гаврило Долгополый ²⁾. Въ одной былинѣ г. Григорьева о царѣ Кѣлигѣ ³⁾ хвастунами представлены два поповича, не названные по именамъ. Въ другой былинѣ того же собирателя ⁴⁾ о Камскомъ побоищѣ въ роли хвастливыхъ богатырей выступаютъ „Лука и Матвѣй дѣти боярскіе“, согласно съ тѣмъ, что боярскіе роды въ былинахъ называются хвастливыми. Но тутъ же отмѣтимъ, что эти богатыри въ томъ же вариантѣ названы и *суздальцами*. Въ третьей былинѣ г. Григорьева ⁵⁾ похвальба приписывается, какъ слѣдъ какихъ-то древнихъ реминисценцій, занесенныхъ лѣтописями, Добрынѣ и его слугѣ Торопу. Наконецъ, въ былинѣ, записанной А. М. Никольскимъ въ г. Мезени въ половинѣ

¹⁾ *Киреевскій*, IV, стр. 113.

²⁾ Вѣломорскія былины, №№ 81 и 94.

³⁾ Зап. въ Мезенск. уѣздѣ отъ Марьинова (печатается).

⁴⁾ Зап. въ Мезенскомъ уѣздѣ отъ Шуваева (печатается).

⁵⁾ Зап. въ Пинежскомъ уѣздѣ отъ Кривоколенной (печатается).

прошлаго столѣтія ¹⁾, объ Ильѣ Муромцѣ и царѣ Мамаѣ причиной чуда воскресенія татаръ являются *два брата суздальца*. Оставленные въ шатрахъ въ то время, когда Илья и другіе богатыри бьются съ татарами, они не утергѣли, оставили шатры, выѣхали въ поле и стали похваляться:

„Кабы была теперь сила небесная,
И всё бы мы побили ея по полю“.
Вдругъ отъ ихъ словъ сдѣлалось чудо великое:
Возстала сила Мамаева
И стало силы больше вятеро.
И пріѣхали они ко старому,
И ко тѣмъ дружинникамъ хоробримъ,
И начали они рассказывать,
Что мы ѣхали дорогой похвалялися
И возстало силы вятеро,
И сами имъ во всемъ повинилися“ ²⁾.

Является вопросъ, почему какіе-то братья суздальцы представлены хвастунами въ битвѣ съ врагами и наказаны за свою похвальбу. Повидимому, здѣсь передъ нами отголосокъ какого-то преданія о суздальцахъ, повторяемый бессознательно архангельскими сказителями. Въ настоящее время о старомъ городѣ Суздаль и о его бывшемъ значеніи въ удѣльномъ періодѣ, конечно, ничего неизвѣстно населенію Архангельской губерніи. Незвѣстны и пословицы-прозвища, ходящія о суздальцахъ въ центральныхъ губерніяхъ ³⁾. Не даютъ объясненія интересующему насъ вопросу и рѣдкія упоминанія Суздаля и суздальцевъ въ былинахъ. Олонекимъ былиннымъ неизвѣстенъ ни городъ Суздаль, ни суздальцы. Единственное упоминаніе города Суздаля находимъ въ одной былинѣ печорскаго сборника г. Опчужова объ Олешѣ Поповичѣ и Тугаринѣ, гдѣ Олоша и паробокъ Екимъ разговариваютъ между собой:

„Куды намъ вѣдь, братцы, ужь какъ ѣхать будѣтъ?
Намъ ѣхать, не ѣхать намъ въ Суздаль-градъ?
Да въ Суздаль-градъ питья много,
Да будѣтъ добрымъ молодцамъ испрошится,
Пройдѣтъ про насъ славушка недобрая?“ ⁴⁾.

¹⁾ Былины старой и новой записи, № 8, стр. 23—30.

²⁾ Тамъ же, стр. 29.

³⁾ Напримеръ: суздальцы—салынки, суздальцы—богомазы. Георгія вмѣстѣ съ Пятницы промѣняли. Собирались кулики, на болотѣ сплочи—они суздальцы и володымирцы (птъ итѣни). См. Дале, Пословицы русскаго народа, стр. 350.

⁴⁾ Печорскія былины, № 85, стр. 333.

Здѣсь опять отголосокъ старины, такъ какъ современный уѣздный городъ Суздаля неизвѣстенъ въ архангельскомъ простонародьѣ на Печорѣ, да и не соответствуетъ тому, что о немъ говорится въ былинѣ.

Какіе-то слѣды прежней извѣстности Суздаля сохранились въ четырехъ былинахъ о богатырѣ Суровцѣ или Суровенѣ, сильно пострадавшихъ отъ времени.

Одна изъ нихъ, начинающаяся странной прибауткой, въ которой, вслѣдъ за „высотой поднебесной, глубиной окіянь моремъ“ и проч., поминаются царь „Давыдъ Евсевичъ, старецъ Макарій Захарьевичъ и разныя бывшія при нихъ „беззаконства великія“, вошла въ послѣднее изданіе Кириши Данилова и рассказываетъ, какъ изъ далека чиста поля выскакалъ Суровецъ богатырь *суздалецъ*, богатаго гостя заморяиншии сынъ, ища себѣ супротивника. „Не нашелъ онъ въ полѣ супротивника и поѣхалъ онъ ко городу Покидашу, и пріѣзжалъ ко городу Покидашу. Во славномъ городѣ Покидашѣ у князя Михайла Ефимонтьевича, у него князя почестный пиръ. А и тутъ молодцу пригостилося: приходилъ на княжеской дворъ, походилъ во гридню во свѣтлую, Спасову образу молится, великому князю поклоняется; а князь Михайла Ефимонтьевичъ наливалъ чару зелена вина въ полтора ведра, подаетъ ему доброму молодцу, а и самъ говорилъ таково слово: „какъ, молодецъ, именовъ зовутъ, какъ величать по изотчеству?“ Сталъ молодецъ онъ рассказывать: „князь, де, Михайла Ефимонтьевичъ, а мене зовутъ добра млодца—Суровецъ богатырь суздалецъ, богатаго гостя заморенинъ сынъ“. А и тутъ князю то слово полюбилося, посадилъ его за столы убранные, въ ту сямью богатырскую, хлѣба съ солю кушати и довольно пити проклажатися“¹⁾.

Обрываясь, повидимому, при самомъ началѣ, этотъ искалѣченный отрывокъ быliny Кириши Данилова нисколько не уясняетъ личности Суровца, родомъ изъ Суздаля, и представляетъ unicum своимъ упоминачіемъ какого-то князя Михайла Ефимонтьевича, повидимому, въ роли Владимира, но сидящаго въ городѣ Покидашѣ, быть можетъ, легендарномъ Китежѣ.

Другая сибирская былина о Суровцѣ, записанная въ Минусинскомъ округѣ Енисейской губерніи въ половинѣ прошлаго столѣтія и доставленная Безсонову В. И. Ламанскимъ, по содержанію довольно близка къ киршевской, но Суровецъ не называется въ ней суздаль-

¹⁾ Сборн. К. Данилова, изд. 1901 г., стр. 166.

чемъ, такъ что для нашего вопроса она не имѣетъ значенія. Содержаніе ея вкратцѣ состоитъ въ томъ; что Суровець богатырь, сынъ Ивановичъ, вѣдигъ въ полѣ тридцать лѣтъ и три года, наѣхалъ на дубъ кряковистый съ сидящимъ на немъ ворономъ, хотѣлъ застрѣлить его, но воронъ указалъ ему на достойнаго его супротивника князя Кургана, перевозящагося съ татарами черезъ Неву (очевидно, Нѣпру) рѣку. Суровець скачетъ къ князю Кургану съ воинственными намѣреніями, но былина кончается совершенно неожиданно слѣдующими стихами:

И приближалъ онъ ко князю Кургану,
Становился въ его во бѣлой шатеръ,
Они пили-ѣли, веселилися,
И, попробовавъ силы, разлучилися ¹⁾.

Третья былина о Суровцѣ, болѣе полная чѣмъ обѣ сибирскія, была напечатана въ Новиковскомъ пѣсенникѣ 1780 г., слѣдовательно по времени записи не уступаетъ киршевской. Содержаніе ея близко къ предыдущей (енисейской), но болѣе полно и толково. Былина рассказываетъ, что „въ старыя вѣки, прежнія“

Какъ жилъ на Руси Суровець молодець,
Суровець богатырь, онъ сурожениць,
По роду города Суздаля,
Сынъ отца гостя богатаго.

Затѣмъ слѣдуетъ неудачная охота за гусями-лебедями, встрѣча съ вѣщимъ ворономъ, сидящимъ на дубу въ полѣ, указаніе ворона на царя Курбана Курбановича и нападеніе Суровца на царскія полчища, при чемъ богатырь перескочилъ черезъ два рва и упалъ съ конемъ въ третій. Враги обступили его и повели къ царю, но онъ схватываетъ татарина и, махая имъ, пробивается къ шатру самого Курбана. Царь взмолился ему о пощаду:

„Ты гои еси, Суровець молодець,
Суровець богатырь и сурожениць!
Погляди-ко ты, что въ книгѣ написано:
Что не велѣно вамъ князей казнить,
Что князей казнить и царей убивать“ ²⁾.

Этой подозрительной ссылкой на книгу кончается былина, интересная лишь той подробностью, что Суровець называется сурожени-

¹⁾ *Киршевскій*, IV, Прибавленіе, стр. XXVII—XXIX.

²⁾ *Киршевскій*, III, стр. 110—112.

номъ (т. е. изъ города Сурожа, нынѣш. Судака), извѣстнаго въ XIV—XV вв. своей торговлей, когда онъ входилъ въ число генуезскихъ владѣній на Черномъ морѣ, и онъ же (Суровецъ) по роду изъ города Суздаля, сынъ богатаго гостя.

Послѣдняя былина того же сюжета, записанная въ Симбирской губерніи ¹⁾, называетъ богатыря Суровеномъ, богатымъ суздальцемъ, и совпадаетъ по содержанию съ предыдущей съ тѣмъ отличіемъ, что татарскій царь носитъ имя Кумбала Самородовича, и что Суровень, на предложеніе напуганнаго царя стать ему названнымъ братомъ и получить отъ него казны золотой и коней, отвѣчаетъ ему:

„Ой ты гой еси, Кумбалъ царь!
Вида смерть, отговариваешься,
Братомъ нарекаешься,
Слушишь палаты золотой казны,
Отдаешь табуны заповѣдны!“

Судьба Кумбала остается неизвѣстной.

Вотъ все немногое, что наши былины знаютъ о богатырѣ Суровцѣ, называемомъ, почему-то, суздальцемъ. Единственный выводъ, который можно сдѣлать изъ былинъ, сводится къ тому, что былинная традиція сохранила глухое воспоминаніе о богатствѣ стараго города Суздаля, такъ какъ происходящій изъ него богатырь Суровецъ называется *богатымъ* или сыномъ богатаго суздальскаго гостя, почему онъ же въ одномъ вариантѣ называется сурожениномъ, что, вѣроятно, находится въ связи съ сурожской торговлей. Хотя въ этихъ данныхъ звучитъ какой-то отголосокъ стараго времени, но они нисколько не уясняютъ занимающаго насъ вопроса, почему въ былинахъ типа Камскаго побойща хвастливые братья называются суздальцами. Если былины не даютъ на это отвѣта, то остается поискать его въ другомъ источникѣ; изъ котораго иногда почерпается кое-что для комментарія былинъ. Не занесли-ли лѣтописи такого широко извѣстнаго въ свое время случая, когда въ битвѣ похвалялись братья суздальцы и были судьбой наказаны за похвальбу? Мигъ кажется, что такой случай произошелъ съ суздальскими князьями-братьями въ 1216 году въ извѣстной битвѣ на р. Лницѣ близъ Юрьева-Польскаго. Припомнимъ обстоятельства дѣла, какъ ихъ сообщаетъ извѣстіе суздальской лѣтописи по академическому списку, предпославъ ему нѣкоторыя историческія справки.

¹⁾ *Киртесскій*, III, стр. 107—110.

По смерти великаго князя Всеволода III в Суздальской землѣ произошла усобица между его сыновьями, вызванная необычнымъ распоряженіемъ отца: Всеволодъ, разсердившись на старшаго сына Константина, перенесъ старшинство на втораго сына Юрія. Константинъ не хотѣлъ отказаться отъ своихъ правъ, и въ семьѣ Всеволодовичей произошла распря, въ которой приняли участие и другіе князья, особенно неугомонный Мстиславъ Удалой. Вступаясь за новгородцевъ, тѣснимыхъ враждовавшимъ съ ними княземъ Переяславля-Рязанскаго Ярославомъ Всеволодовичемъ, человекомъ страстнымъ и жестокимъ, Мстиславъ искалъ себѣ союзниковъ противъ него и воспользовался распрей между суздальскими князьями. Сторону Ярослава приняли старшій братъ, его великій князь Владимірскій Юрій Всеволодовичъ и младшій братъ Святославъ Юрьевскій. Мстиславъ призвалъ себѣ на помощь своего роднаго брата Владиміра Мстиславича со искровитянами и двоюроднаго Владиміра Гюриковича со смолянами. Кромѣ того, онъ заключилъ союзъ съ Константиномъ Всеволодовичемъ Ростовскимъ, обѣщая вернуть ему законное старшинство въ Суздальской землѣ. Такимъ образомъ, обѣ воюющія стороны располагали значительными силами. Мстиславъ вторгся въ Суздальскую землю вмѣстѣ со смолянами, повоевалъ тверскую волость и направился на самый Переяславль-Залѣскій, стольный городъ Ярослава. На пути присоединился къ нему Константинъ Всеволодовичъ со своими ростовскими полками. Противъ нихъ выступило союзное ополченіе суздальскихъ князей Ярослава, Юрія и младшихъ братьевъ Святослава и Владиміра. Суздальская рать расположилась недалеко отъ города Юрьева-Польскаго, на берегахъ рѣчки Гзы, впадающей въ Колокшу. Подъ самымъ городомъ сталъ Мстиславъ съ новгородцами, а далѣе, на берегахъ ручья Липицы, Константинъ съ ростовцами. Слѣдовательно, тутъ, по словамъ Иловайскаго, почти въ самой серединѣ Суздальской земли, сошлась едва-ли не вся ратная сила сѣверной Руси.—Войска князя Юрія и Ярослава оказались несравненно многочисленнѣе непріятелей: они собрали изъ своихъ волостей всѣхъ кого могли, городскихъ и сельскихъ жителей, конныхъ и пѣшихъ¹⁾. Мстиславъ дѣлалъ попытки къ примиренію, убѣждая братьевъ Юрія и Ярослава: перваго уступить великокняжескій Владимірскій столъ Константину Всеволодовичу, втораго—примириться съ новгородцами. Но братья, сознавая

¹⁾ Исторія Россіи, II, стр. 238.

свою силу, отвергли мирныя предложенія. Ярославъ сказалъ гордо: „Мира не хочу, вы шли далече, а очутились какъ рыба на сухомъ мѣстѣ“ ¹⁾. Юрій сказалъ: „пусть Константинъ одолѣетъ насъ, тогда ему вся земля“. „Такъ князи възнеслися славою Юрьи и Ярославу“, говоритъ расположенный въ пользу старшаго Всеволодовича Константинъ лѣтописецъ: „видѣвши у себя силу великую, не прияста мира и начаста пирити в шатрѣ съ своимъ боляры“. Тутъ на пиру раздавалась дальнѣйшая похвальба.

Когда одинъ старшій бояринъ уговаривалъ младшихъ братьевъ помириться со старшимъ, указывая на то, что новгородцы и смольняне „дерзи к боеви“, а Мстиславъ Удалой извѣстенъ во всемъ племени „оже дана ему отъ Бога храбрость изо всѣхъ“, то не любя была эта рѣчь князьямъ Юрію и Ярославу ²⁾. И вотъ одинъ изъ юрьевыхъ бояръ, въ угоду имъ, сказалъ знаменательныя, занесенныя лѣтописью и ставшія широко извѣстными, слова: „Княже Юрьи и Ярославе! не было того ни при прадѣдехъ, ни при дѣдехъ, ни при отцѣ вашомъ, оже бы кто вшелъ ратью в сильную землю в Суздальскую, оже вышелъ цѣль, хотя бы и вся русская земля, и Галичская и Киевская и Смоленская и Черниговская и Новгородская и Рязанская, никако противу сей силѣ успѣють; аже ныношніи полци, право навержемъ ихъ сѣдлы“ ³⁾. „И любя бысть, прибавляетъ лѣтописецъ, рѣчь князю Ярославу“. Въ предвкушеніи побѣды младшіе Всеволодовичи начали заранѣе дѣлить между собою русскую землю. Юрій бралъ

¹⁾ Никоновская лѣтопись передаетъ эти слова Ярослава подробнѣе и картиннѣе: „Но убо сего неѣсто от великия вашей глупости, яко далеча ести замли, яко овци ко лвомъ, яко теленки к медвѣдямъ, яко свиньи на поле, яко рыбы на сухо“. Изд. 1768 г., II, стр. 324.

²⁾ Къ такой оцѣнкѣ Мстислава въ Никонов. лѣтописи прибавлены слѣдующія слова: „И есть у него мужи храбри zelo и велици богатыри, яко львы и яко медвѣди, не слыша бо на себѣ ранъ“. Тамъ же, стр. 325.

³⁾ Лѣтопись по Академ. списку, стр. 470. Ник. лѣтопись излагаетъ эту рѣчь пространнѣе: „Господие наши князи Юрьи и Ярославе! Вѣстели, яко никогда ни было ни при прадѣдехъ, ни при дѣдехъ, ни при отцехъ вашихъ, кто бы ратью вшелъ в землю вашу Суздальскую, а вышелъ бы добръ здоровъ совѣтъ, и свое хотѣние получилъ; никако же бывало сего, аще бы и вси Руская земля, и Галичская, и Киевская, и Черниговская, и Рязанская, и Смоленская, и Новгородская, и Полоцкая, и Псковская никакоже противу сей силѣ возмогутъ успѣти, но что глаголю силѣ, аще и вся земля Половецкая придетъ к нимъ, то востину всѣхъ тѣхъ седлы намечетъ и кулаками побьетъ, точно аще бы усердно воинство твое было на бой и со всѣмъ сердцемъ и со всюю яростію стали противу супостатныхъ, никто же можетъ постодти, противу нимъ“. Тамъ же, стр. 326.

себѣ лучшую волость Ростово-Владимірскую, второй братъ Ярославъ— волость Новгородскую, Святославъ долженъ былъ получить волость Смоленскую. Эта заносчивость суздальцовъ была страшно наказана на другой же день (23-го апрѣля) въ несчастной для нихъ битвѣ при Авдовой горѣ, близъ рѣки Липицы. Побѣда Мстислава Удалого и Константина съ ихъ союзниками была полная. Однихъ павшихъ въ битвѣ лѣтопись насчитываетъ болѣе 9000 человекъ, кромѣ раненыхъ и погибшихъ во время бѣгства въ рѣчкахъ и трясинахъ. Волы и стоны раздавались въ Суздальской землѣ. Князья-братья суздальцы Ярославъ и Юрій едва не попали въ плѣнъ. Когда побѣдители подступили къ г. Владимиру, Юрій вышелъ съ поклономъ и отдался на ихъ волю. Точно то же сдѣлалъ и старшій братъ Ярославъ, когда союзники подступили къ его городу Перяславлю. Гордость суздальскихъ князей была унижена, и они должны были уступить великокняжескій столъ Константину Всеволодовичу.

Объ этомъ громкомъ событіи 1216 года, о наказанной страшнымъ пораженіемъ гордости суздальскихъ князей, широко разнеслась молва на Руси, и обыкновенно скудная словами лѣтопись посвящаетъ ему подробное описаніе, драматизируя рассказъ рѣчами дѣйствующихъ лицъ, при чемъ главная роль выпадаетъ обоимъ братьямъ, суздальскимъ князьямъ Ярославу и Юрію. Поэтому мы считаемъ возможнымъ предположить, что наказанные за хвастовство въ бою бывшіе два брата-суздальца могутъ быть отголоскомъ народнаго преданія именно объ этихъ историческихъ суздальскихъ князьяхъ-братьяхъ, жестоко поплатившихся за свою похвальбу въ роковой для нихъ битвѣ при Липицѣ.

Наше предположеніе, представляющееся на первый взглядъ слишкомъ смѣлымъ, сдѣлается правдоподобнѣе, если мы обратимъ вниманіе на изложеніе тѣхъ же историческихъ событій въ, такъ называемой, Пиконовской лѣтописи. Въ этомъ сводѣ мы находимъ пространную повѣсть о липицкомъ пораженіи суздальскихъ князей, въ которой въ лѣтописную основу вполетены народныя сказанія, точнѣе—нѣкоторые эпизоды изъ нихъ, связанные съ именами Алеши Поповича и другихъ богатырей. Такъ, старый благоразумный бояринъ, убѣждавшій суздальскихъ князей-братьевъ Юрія и Ярослава помириться съ Константиномъ и съ Мстиславомъ Удалымъ, Андрей Станиславичъ (Академическій списокъ не занесъ его имени), говоря о первомъ князѣ, настаиваетъ не только на его правахъ на великое княженіе, какъ старшаго, но напоминаетъ, что у него въ дружинѣ извѣстные „храбры“:

„Такъ же вашего брата Костянтина вѣсте сами, яко его правда есть, и ему подобасть быти старѣйшему, еще же и храбрыхъ нынѣ певѣмъ у него Александра Поповича и слугу его Торопа и Добрыню Резанича Златаго пояса и Псефедя Дычуна“¹⁾. Одинъ изъ этихъ богатырей, внесенныхъ въ лѣтописную повѣсть изъ народныхъ сказаній, упоминается въ ней далѣе въ одномъ эпизодѣ битвы. Въ самомъ разгарѣ сраженія, рассказываетъ повѣсть: „Князь Мстиславъ Мстиславичъ (Удалой) с своими полки проѣха трижды сквозъ полки Юрьевы и Ярославли, и бѣ самъ крѣпокъ и мужественъ и велику силу имѣя и усердство, и въ руцѣ имѣя топоръ и сѣчаше нещадно и загнася смѣшавшеся. И прииде на него Александръ Поповичъ, имѣя мечъ нагъ, хотя разсѣчи его; бѣ бо силенъ и славенъ богатырь. Онъ же (т. е. Мстиславъ) возоши глаголя, яко азъ емь князь Мстиславъ Мстиславичъ Повгородскіи; онъ же уставися, и тако спасо его Богъ отъ смерти. И рече ему Александръ Поповичъ: „Княже, то ты не дерзай, но стой и смотри; егда убо ты глава убисогъ будеши, и что суть ныня, и како си имъ дѣти“²⁾? Покойный академикъ П. Дашкевичъ, приведя это мѣсто въ своемъ изслѣдованіи „Былины объ Алешѣ Поповичѣ“, говоритъ: „Кажется, должно признать въ этомъ случаѣ несообразность: трудно предположить, чтобы Александръ, одинъ изъ самыхъ видныхъ дружинниковъ Константина, не зналъ Мстислава, его союзника, да и наставленіе, преноданное Мстиславу, нѣсколько странно“³⁾. Я также не стану отстаивать правдоподобность передаваемого повѣстью факта, но произошла или нѣтъ такая ошибка въ пути битвы, въ этомъ извѣстїи замѣтно желаніе возвеличить мѣстнаго ростовскаго богатыря, и потому слѣдуетъ думать, что извѣстіе о столкновеніи Мстислава Удалого съ Александромъ Поповичемъ восходитъ къ ростовскимъ сказаніямъ о послѣднемъ. Всмотримся пристальнѣе въ рассказъ. Сначала возвеличенъ Мстиславъ Удалой, который, подобно быдиннымъ богатырямъ, трижды проѣзжаетъ съ топоромъ въ рукѣ сквозъ неприятельскіе поля и поражаетъ ихъ нещадно. Затѣмъ, на него наскакиваетъ силенъ и славенъ богатырь Александръ Поповичъ съ обнаженнымъ мечомъ. И этотъ Мстиславъ Удалой, только

¹⁾ Въ Хронографѣ 1-й ред. въ рассказѣ о той же битвѣ говорится, что „поможе Богъ Константину Всеволодовичу брату, а правда его же пришла, и было со княземъ Константиномъ два храбры: Добрыня Златый поясъ, да Александръ Поповичъ с своимъ слоугомъ с Торопомъ“, *А. Поповъ*. *Обз. хрон.*, I, 196.

²⁾ Никоновская лѣт., II, 330—331.

³⁾ Былины объ Алешѣ Поповичѣ и проч., стр. 18 (отд. оттискъ).

что крошившіи враговъ топоромъ, не оказываетъ сопротивленія, а только вопить: „азъ осмь князь Мстиславъ Мстиславовичъ“, и „такъ спасе его Богъ“. Послѣ этого Александръ даетъ ему наставленіе, чтобы онъ не „дерзалъ“ (т. е. самъ лично не бился съ врагами), а стоялъ и смотрѣлъ, какъ будто биться съ непріателемъ не княжеское, а богатырское дѣло. Едва-ли здѣсь не проскальзываетъ желаніе поставить своего ростовскаго богатыря выше прославленнаго князя Мстислава Удалого, самаго знаменитаго изъ современныхъ ему князей. Если мы допустимъ, что въ приведенномъ извѣстїи объ Александрѣ Поповичѣ отразилось народное сказаніе о немъ, то, быть можетъ, послѣдній, уже искаженный временемъ, отголосокъ этого ростовскаго преданія найдемъ въ современныхъ былинахъ. Вспомнимъ, что въ нѣкоторыхъ вариантахъ былины объ Алешѣ и Тугаринѣ находится эпизодъ, напоминающій лѣтописный, именно: два богатыря-товарища вступаютъ въ бой по *ошибкѣ*—Алеша Поповичъ и Екимъ Ивановичъ, и тотъ бой, въ которомъ „своя своихъ не познаша“, едва не кончился смертью одного изъ нихъ, какъ встрѣча въ пылу липицкой битвы Александра Поповича съ Мстиславомъ Удалымъ. Въ вариантѣ Кирши Данилова рассказывается, что Алеша Поповичъ, переодѣтый каликой, бился съ Тугариномъ и, убивъ его, надѣлъ на себя его платье. Когда онъ подѣхалъ къ товарищу своему Екиму Ивановичу, тотъ и принявъ его за Тугарина, съ испугу поскакалъ отъ него и бросилъ въ него палицу боевую, которою сшибъ его съ коня. Бросившись затѣмъ пороть ему груди бѣлымъ, онъ увидалъ на немъ крестъ и призналъ его. Екимъ заплакалъ и сказалъ: „по грѣхамъ надо мною Екимомъ учинилося, что убилъ своего братца родимова. И стали его оба (Екимъ и калика) трести и качать и потомъ подали ему питыи заморскова, отъ того онъ здравъ сталъ“ ¹⁾. Въ вариантѣ А. В. Маркова ²⁾ столкновеніе Екима и Алеши заходитъ еще дальше. Принявъ одѣтаго въ платье Тугарина Алешу за Тугарина, Екимъ убиваетъ его стрѣлою и даже отсѣкаетъ ему буйну голову. Когда ошибка выяснилась, калика взбрыгиваетъ Алешу сначала мертвой, потомъ живой водой и оживляетъ его. Въ прозаической передачѣ г. Потанинымъ былины, пропѣтой ему однимъ казакомъ въ Бухтармѣ, рассказывается, что Алеша Поповичъ, отрубивъ голову Тугарину, сталъ звать къ себѣ Екима Ивановича. „Екимъ Ивановичъ разбѣжался, не разглядѣвъ хорошеняко, схватилъ

¹⁾ Кирша Д., стр. 77.

²⁾ Бѣломор. былины, № 47, стр. 237—238.

самого Алешу, повалили и начать его бить; только когда тотъ начать кричать, онъ увидѣлъ, что въ запальчивости не понялъ, въ чемъ дѣло, и извинился передъ Алешей¹⁾). Наконецъ, въ былинѣ записанной С. И. Гуляевымъ на Сузунскомъ заводѣ, богатыри помѣнялись ролями. Съ змѣемъ Тугаретиномъ бьется не Алеша, а Екимъ и отсѣкаетъ ему голову.

Тутъ то миновалось два часа.
 Побѣждалъ Алеша на выручку;
 Не видитъ онъ свѣта блага,
 Не видитъ онъ солнца краснаго.
 Сбѣгался онъ со Екимомъ на встрѣчу
 И билъ его налицей боевой
 И сшибъ со добра коня,
 Притыкалъ его въ грудь бѣлую
 Коньекъ муромецкимъ²⁾).

Такимъ образомъ только „крестъ чувственный“ спасъ Екима отъ смерти.

Намъ кажется, что этотъ, довольно стойко повторяемый вариантами, эпизодъ представляетъ позднѣйшее неудачное осмысленіе какого-то существовавшаго въ старинномъ преданіи эпизода о столкновеніи Алеши (Александра) Поповича въ бою съ дружественнымъ ему лицомъ *по ошибкѣ*, при чемъ имя этого лица и обстоятельства стычки были уже забыты преданіемъ. Былина сдѣлала такимъ лицомъ ближайшаго товарища Алеши Екима Ивановича и, чтобы мотивировать ошибку, придумала переодѣванье Алеши въ платье Тугарина, подробность, во всякомъ случаѣ, довольно неудачную. Впрочемъ, иногда дѣло обходится, какъ въ бухтарминскомъ и сузунскомъ вариантахъ, и безъ переодѣванья, и ошибка объясняется послѣдностью и боевымъ шлоомъ. Трудно себѣ представить, чтобъ первый слагатель былины о боѣ Алеши съ Тугариномъ самостоятельно сочинилъ этотъ странный и безцѣльный эпизодъ, не служащій, во всякомъ случаѣ, къ славлу популярнаго ростовскаго богатыря и не ведущій ни къ какимъ послѣдствіямъ. Но этотъ эпизодъ—столкновение двухъ товарищей по ошибкѣ—получить нѣкоторое осмысленіе, если мы взглянемъ на него, какъ на продуктъ позднѣйшаго видоизмѣненія или искаженія въ народномъ оборотѣ глухого преданія, которое въ своемъ первоначальномъ видѣ было зане-

¹⁾ Былины стар. и новой записи, II, стр. 283.

²⁾ Тамъ же, № 28, стр. 97.

сею въ лѣтописное сказаніе, имѣвшее явную тенденцію возвеличить мѣстнаго ростовскаго богатыря.

Еще ближе подойдемъ мы къ рѣшенію вопроса о хвастливыхъ братьяхъ суздальцахъ, если просмотримъ внимательно народныя ростовскія сказанія объ Александрѣ Поповичѣ, занесенныя въ, такъ называемую, Тверскую лѣтопись, лѣтописный сборникъ, составленный въ 1534 году какимъ-то ростовскимъ селяниномъ. Въ ней мы находимъ цѣлый рядъ отголосковъ ростовскихъ народныхъ преданій, во-первыхъ, въ описаніи битвы при Липицѣ въ 1216 г., во-вторыхъ въ рассказѣ о Калкаскомъ побоищѣ 1224 г. Не приводя подробно описанія усобицы между суздальскими князьями (Юріемъ и Ярославомъ) и Константиномъ Ростовскимъ, отмѣтимъ лишь нѣкоторыя черты, отсылающіяся народнымъ преданіемъ. При описаніи пира суздальскихъ князей наканунѣ роковой для нихъ битвы, бояринъ, дававшій имъ благоразумный совѣтъ уступить старѣйшинство князю Константину, названъ *Творимиромъ* согласно съ его совѣтомъ „сътворити миръ“¹⁾. Другое лицо, хваставшееся, что суздальцы закидаютъ враговъ сѣдлами, не названо здѣсь по имени („Рече имъ нѣкто князю: правъ еси, княже, право ихъ наврѣжомъ сѣдлы“), но далѣе въ „повѣсти о Калкацкомъ побоищѣ“ въ числѣ убитыхъ при Липицѣ суздальцевъ упоминается „храбрый и безумный бояринъ Ратиборъ, иже похвалился сѣдлы наметати супротивныхъ“²⁾. Нетрудно замѣтить, что ему дана кличка по шерсти: какъ Творимиръ *творитъ миръ*, такъ Ратиборъ побуждаетъ къ *рати*. Здѣсь замѣтны яркіе признаки народнаго сказанія. Далѣе, послѣ побѣды князя Константина упоминаютъ, что у него „тогда бѣше въ полку два челоуѣка храбрыхъ, *Олешко* Поповичъ и челоуѣкъ его *Торопъ*, и *Тимою* Золотой поясъ“³⁾. Названіе Олешка Поповичъ вмѣсто Александра Поповича прямо свидѣтельствуетъ о народномъ источникѣ этого лѣтописнаго извѣстія.

Еще интереснѣе для вопроса объ отголоскахъ ростовскихъ народныхъ преданій въ лѣтописи вставленная въ Тверской сборникъ подъ 1224 г. повѣсть съ отдѣльнымъ заглавіемъ: „Повѣсть о Калкацкомъ побоищѣ и о князехъ русскихъ и о храбрыхъ 70“, на значеніе которой для нашего эпоса было указано покойнымъ академикомъ Дашкевичемъ. Для нашей цѣли особенно важно обратить вниманіе на ея

¹⁾ Полн. Собраніе русс. лѣтоп., т. XV, столб. 321.

²⁾ Тамъ же, столб. 337.

³⁾ Тамъ же, столб. 328.

составъ. Это компиляція, составленная авторомъ изъ повѣствованія о Калкскомъ побойщѣ, довольно близко слѣдующая тексту того же сказанія, въ, такъ называемой, суздальской лѣтописи ¹⁾ (XV в.), и изъ какого-то письменнаго источника, который авторъ называетъ „описаніемъ“. Начавъ повѣсть о нашествіи татаръ, согласно суздальскому тексту, словами: „по грѣхомъ нашимъ пріѣдоша языци незнаеми, безбожнии Моавитяне, ихъ же никто же добръ не вѣсть ясно, кто суть и отколѣ изидоша“ и проч. ²⁾, онъ, оставивъ свой источникъ послѣ словъ: „мы же ихъ не вѣмы кто суть, но и здѣ напишемъ о нихъ намяти ради русскихъ князь и бѣды, яже бысть отъ нихъ“, прибавляетъ отъ себя слѣдующее назиданіе, составляющее переходъ къ другому источнику его компиляціи: „но не сихъ же ради сіе случися, но гордости ради и величанія русскихъ князь попусти Богъ сему быти. Бѣша бо князи храбры мнози и високоумны и мнящеса своею храбростию съдѣловающе: имѣхуть же дружину многу и храбру, и тою величающеся, отъ нихже о единомъ въспомянемъ здѣ, *описанія нилъзис*“ ³⁾. Этотъ единственный изъ храбрыхъ—Александръ Поповичъ, о подвигахъ котораго подъ руками компилятора было *рукописное* сказаніе, въ которое какой-то старинный книжникъ занесъ мѣстные преданія объ этомъ богатырѣ, прикрѣпленные къ разнымъ урочищамъ ростовской земли. Изъ этого письменнаго источника компиляторъ почерпнулъ свѣдѣнія, приводимыя въ его вставкѣ въ начатый имъ рассказъ о Калкскомъ побойщѣ. Мотивъ вставки тотъ, чтобъ объяснить читателю, кто такой былъ Александръ Поповичъ, павшій, по преданію, въ этой битвѣ вмѣстѣ съ другими 70-ю храбрыми. Въ извлеченіи компилятора изъ „описанія“ мы находимъ данныя изъ героической біографіи Александра Поповича (вплоть до перехода его изъ родной ростовской области на службу къ великому князю Кіевскому Мстиславу Романовичу. Припомнимъ для дальнѣйшаго эти данныя.

Александръ съ прозвищемъ Поповичъ („глаголомый Поповичъ“) былъ ростовскимъ жителемъ и имѣлъ слугу Торона. Онъ служилъ сначала въ дружинѣ вел. кн. Всеволода, а по его смерти въ дружинѣ его сына Константина, князя Ростовскаго, и храбро нѣсколько разъ отстаивалъ родной городъ отъ дружинъ вел. князя Владимірскаго

¹⁾ См. Суздальскую лѣтопись по академическому списку, помѣщенную въ изданіи Арх. Комиссіи вслѣдъ за лѣтописью по Лаврентьевскому описку (1872 г.), стр. 477—483.

²⁾ Тверская лѣтопись, столб. 335.

³⁾ Тамъ же, столб. 336.

Юрія, хотѣвшаго выгнать брата "Константина" изъ Ростова. Тамъ, когда однажды, въ отсутствіе кн. Константина, вел. князь Юрій подступилъ къ Ростову, Александръ Поповичъ, выхълавъ изъ города, избилъ многихъ его людей; „ихъ же костей накладыны могилы великы и донинѣ на рѣцѣ Ишиѣ, а иніи по ону страну рѣки Усиі... а иніи побіени отъ Александра же подъ Угодичами на Узѣ“¹⁾. Далѣе компиляторъ упоминаетъ битву Константина съ вел. княземъ Юріемъ на р. Гзѣ, въ которой „побѣди Константинъ молитвами Пречистыя, своею правдою и тѣми же храбрыми Александромъ съ слугою Торопомъ; ту же бѣ и Тимоня Золотой поясъ“. Юрій долженъ былъ смириться съ братомъ. Затѣмъ припоминается громкая побѣда князей Константина Ростовскаго и Мстислава Удалого надъ Суздальскими князьями—вел. кн. Юріемъ и его братомъ Ярославомъ при р. Липицѣ и на Юрьевой горѣ. Въ этой битвѣ, какъ мы уже упомянули, былъ убитъ и безумный хвастливый бояринъ Ратиборъ. Послѣ пораженія братьевъ кн. Константинъ сталъ великимъ княземъ, но прожилъ только два года. Послѣ его смерти, когда великимъ княземъ сдѣлался Юрій, Александръ Поповичъ, опасаясь его мщенія за убитыхъ имъ его дружинниковъ, созвалъ чрезъ своего слугу другихъ „храбрыхъ“ къ себѣ въ городъ „обрыть подъ Громичимъ колодяземъ на рѣцѣ Гдѣ, иже и нынѣ той сопь стоитъ пустъ“. Тутъ собравшіеся у Александра Поповича „храбры“ положили перейти на службу къ „единому великому князю въ матери градомъ Кіевѣ“. Они били челомъ вел. князю Мстиславу Романовичу, „о нихъ же великій князь велми гордяшеса и хваляшеса“²⁾. Рассказавъ о подвигахъ Александра Поповича въ Ростовской землѣ, раньше его перехода къ Кіевскому князю, компиляторъ возвращается къ прерванному повѣствованію о нашествіи татаръ и Калкской битвѣ, пользуясь своимъ первымъ источникомъ—суздальскимъ сказаніемъ. Держась послѣдняго довольно близко, онъ, доведя свою печальную повѣсть до конца, снабжаетъ ее поучительнымъ заключеніемъ, подчеркивающимъ еще разъ, что бѣдствіе, постигшее русскую землю, было Божьимъ наказаніемъ за грѣхи и „за похвалу и гордость великаго князя Мстислава Романовича“, при чемъ приводитъ, по слуху, слѣдующій фактъ, свидѣтельствующій объ этомъ свойствѣ кіевского

¹⁾ Тверская лѣтопись, столб. 837.

²⁾ Тамъ же, столб. 338. Извѣстно, что это преданіе отразилось въ былинѣ, въ поѣздкѣ ростовскаго богатыря Алени Поповича вмѣстѣ со слугою: Екимомъ изъ Ростова въ Кіевъ на службу къ бывшему князю Владимиру.

князя: „Глаголють бо, яко приде слухъ про сихъ татарь, яко многы земли плънують, а приближаются русскимъ странамъ, и сповѣдаша ему (т. е. ки. Мстиславу) о нѣхъ; онъ же отрече: „дождеже осмь на Кіевѣ, то по Нико и по Понтійское море и по рѣку Дунай саблѣ не махивати“. Въ компиляторѣ здѣсь сказывается ростовецъ, но расположенный къ южному князю и готовый приписать ему главную вину въ поражениі русскихъ татарами. И тотъ же ростовецъ съ радостнымъ чувствомъ заявляетъ далѣе про своего ростовскаго князя Василька: „Василька же Константиновича тогда Богъ съблюде, приде бо съ полки ко Чернигову въ помочь, слышавъ се зло, случившеся на Руси (т. е. на югѣ), возвратися въ свой Ростовъ съхранень Богомъ“¹⁾.

Такимъ образомъ, компиляторъ лѣтописныхъ извѣстій о суздальской усобицѣ, окончившейся громкой битвой при Липицѣ, и о калкинскомъ поражениі южно-русскихъ князей татарами вводитъ насъ въ цѣль ростовскихъ народныхъ сказаній первой четверти XIII вѣка. У насъ нѣтъ другого болѣе драгоцѣннаго свидѣтельства для исторіи нашего богатырскаго эпоса, столь скуднаго письменными документами. Эти извѣстія вводятъ насъ въ народную психологію ростовцевъ, дожившихъ преданіями о своемъ мѣстномъ „храбрѣ“ Алошкѣ Поновичѣ и старавшихся возвеличить его подвиги, при чемъ въ этихъ преданіяхъ проскальзываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстный партикуляризмъ—желаніе унижить суздальцевъ, т. е. суздальскихъ князей, не только отказавшихъ ростовскому князю въ признаніи его правъ на великокняжескій столъ, но даже якобы пытавшихъ изгнать его изъ его ростовскаго удѣла. Въ ростовскомъ жителѣ, компиляторѣ разсказа о Калкской битвѣ, въ которой палъ и знаменитый ростовскій богатырь, проявляется также тенденція, вѣроятно, раздѣляемая его ростовскими современниками, приписать этотъ татарскій погромъ гордости, похвальбѣ и легкомыслію южно-русскихъ князей, особенно вел. князя кіевскаго, въ чемъ точно также нельзя не видѣть историческаго отношенія сѣверно-русскаго населенія къ южной Руси. Если мы вдумаемся въ настроеніе ростовскаго населенія въ первой четверти XIII в., то, быть можетъ, намъ уяснится, какимъ образомъ хвастающіеся братья-суздальцы припомнились въ былинѣ, историческимъ субстратомъ которой, въ чемъ, повидимому, согласны наши изслѣдователи, послужило многократно видоизмѣненное глухое преданіе о гибели богатырей русскихъ въ Калкской битвѣ. Слухи, разсказы, пріукрашенные молвой,

¹⁾ Тверская лѣтопись, столб. 343.

о липицкой (1216 г.) побѣдѣ ростовцевъ надъ суздальцами, о наказанной жестокимъ пораженіемъ похвальбѣ братьевъ-суздальцевъ — князей Юрія и Ярославъ—были еще въ свѣжей памяти ростовскаго населенія, когда 8 лѣтъ спустя среди него же разнеслась молва о Калкскомъ пораженіи южно-русскихъ князей (въ 1224 г.) новымъ доселѣ невѣдомымъ и страшнымъ врагомъ. Хотя ростовская земля и князь не пострадали отъ этого погрома, но въ битвѣ палъ славный ростовскій богатырь, о подвигахъ котораго въ войнѣ съ суздальцами въ его родной области ходили разукрашенные вымысломъ рассказы, дѣлавшіе изъ него главнаго виновника пораженія суздальскихъ князей (при Липицѣ) и даже возвеличивавшіе его надъ самымъ славнымъ богатыремъ-княземъ того времени—Мстиславомъ Удалымъ. Если ростовскій патріотъ, компиляторъ „Повѣсти о Калкацкомъ побойщѣ“ (въ Тверскомъ лѣтописномъ сборникѣ) счелъ необходимымъ вставить въ свой рассказъ ростовскія преданія о подвигахъ Александра Поповича, совершенныхъ имъ въ родной области, и припомнить липицкую битву, посрамившую хвастливыхъ суздальскихъ князей-братьевъ, то не мудрено, что и въ былинный отголосокъ Калеской битвы могли также попасть хвастливые братья-суздальцы. Внутренней связью двухъ громкихъ событій—Липицкой и Калеской битвы—послужила, во-первыхъ, ихъ близость по времени, во-вторыхъ, личность Алеши Поповича, совершившаго подвиги храбрости на Липицѣ и павшаго при Калкѣ, въ-третьихъ, тотъ психологическій мотивъ, согласный съ духомъ времени, что и то и другое пораженіе было вызвано со стороны пострадавшихъ ихъ гордымъ самоувѣреніемъ, ихъ похвалкою своею силою, ибо, по народному убѣжденію, „гнило слово похвальное“.

Всев. Миллеръ.

Въ предисловіи къ повѣсти о Калкацкомъ побойщѣ, гдѣ говорится о томъ, что повѣсть эта была составлена въ 1811 г. въ Твери, упоминается, что въ то время въ Твери жилъ Александръ Поповичъ, сынъ Александра Поповича, героя Липицкой битвы. Это не такъ. Александръ Поповичъ, герой Липицкой битвы, жилъ въ Ростовѣ, а не въ Твери. Александръ Поповичъ, сынъ Александра Поповича, героя Липицкой битвы, жилъ въ Твери, но не въ 1811 г., а въ 1812 г.

Въ предисловіи къ повѣсти о Калкацкомъ побойщѣ, гдѣ говорится о томъ, что повѣсть эта была составлена въ 1811 г. въ Твери, упоминается, что въ то время въ Твери жилъ Александръ Поповичъ, сынъ Александра Поповича, героя Липицкой битвы. Это не такъ. Александръ Поповичъ, герой Липицкой битвы, жилъ въ Ростовѣ, а не въ Твери. Александръ Поповичъ, сынъ Александра Поповича, героя Липицкой битвы, жилъ въ Твери, но не въ 1811 г., а въ 1812 г.

Въ предисловіи къ повѣсти о Калкацкомъ побойщѣ, гдѣ говорится о томъ, что повѣсть эта была составлена въ 1811 г. въ Твери, упоминается, что въ то время въ Твери жилъ Александръ Поповичъ, сынъ Александра Поповича, героя Липицкой битвы. Это не такъ. Александръ Поповичъ, герой Липицкой битвы, жилъ въ Ростовѣ, а не въ Твери. Александръ Поповичъ, сынъ Александра Поповича, героя Липицкой битвы, жилъ въ Твери, но не въ 1811 г., а въ 1812 г.